

Думаю также, что неверно утверждение автора, будто в IX в. население Константинополя достигало миллиона (стр. 144) — во всяком случае для этого нет никаких данных; неверно изложена на стр. 85 эволюция титула «протовестигарий», который, согласно Толбот Райс, «в поздние времена» перешел к внукам — на самом деле, наоборот, этот титул, первоначально скопческий, уже в XI в. жалуются не одним лишь внукам, а в XII в. — высшей аристократии (об этом есть специальная работа Р. Гийана). На стр. 60 путано изложена суть еретических движений: ариане отрицали не полноту божественности Христа, но Логоса; монофиситы, по мнению Толбот Райс, отвергали троицу («они верили в существование единого божества, рассматривая Отца, Сына и св. Дух как части единого»). Неверно, что в Византии никогда не считалось зазорным знатному человеку или «князю» (? prince) заниматься торговлей (стр. 125) — именно за это Феофил упрекал свою жену и даже сжег принадлежавший ей купеческий корабль. И т. д.

Останемся на одном частном, но очень показательном моменте. На стр. 78 автор пишет: «Монахам киноий разрешалось мыться в бане лишь трижды в год». Действительно, устав Евергетидского монастыря дает такую цифру — но есть сколько угодно других: монахи Пандократора мылись дважды в месяц, монахи Космосогирь — раз в месяц. Обобщение сделано на случайном, недостаточном материале.

Книге Толбот Райс не хватает ясности задачи. Действительно — о чем она написана? Что это — будничная жизнь или общая характеристика византийской цивилизации? Сравните ее содержание с оглавлением книги С. Рэнсимена «Византийская цивилизация» — различия почти нет: и там за разделом об основании Константинополя и кратким очерком истории империи следуют главы об императоре, администрации, церкви, армии, флоте, затем о торговле, городской и сельской жизни, наконец — об образовании, литературе, искусстве.

Нет в книге Толбот Райс и цельности. Отдельные явления византийской цивилизации существуют сами по себе, независимо, не рассматриваются как части единой функционирующей системы. Отсутствие цельности приводит к массе противоречий. На стр. 15 автор пишет не без основания, что крупные общественные перемены редко бывают результатом воли одного человека, но на стр. 19 мы читаем, что «Константин изменил всю структуру Римской империи и создал новую систему администрации» (Диоклетиан тем самым исчезает вовсе), а на стр. 20 говорится, что в 395 г. было решено разделить империю на две части: вся сложность длительной борьбы 395—410 гг., хорошо обрисованной Э. Демужо, пропадает. На стр. 36 говорится, что положение женщины не было в Византии столь свободным, как в Риме, — на стр. 57 сказано, что христианство открыло перед женщиной новые пути. Так что же — улучшилось или ухудшилось положение женщин? На стр. 176 утверждается, что крестьянское движение было вызвано ростом налогов при Романе Лакапине — на стр. 183 оказывается, что Роман Лакапин особенно энергично защищал мелких земледельцев. Как связать оба положения — читатель должен догадаться сам.

Книга Толбот Райс пронизана к тому же идеализацией византийского образа жизни. На совести автора остается утверждение, что «все дома были снабжены уборными» (стр. 144). Идеализируется роль церкви, императоров, администрации. Наконец, свободное передвижение автора по тысячелетней истории империи, отсутствие какой-либо попытки периодизации, смешение воедино раннего и позднего периодов не способствуют, на мой взгляд, уточнению наших представлений о византийских буднях. Византия не была неизменным, абсолютно консервативным государством — и это сказывалось на всем ее быте.

А. К.

DENO J. GEANAKOPOLOS. BYZANTINE EAST AND LATIN WEST TWO WORLDS OF CHRISTENDOM IN MIDDLE AGES AND RENAISSANCE.

Oxford, 1966, 206 p. + ill¹.

Книга американского ученого Д. Джеанакоплоса посвящена одной из интереснейших проблем средневековья — проблеме взаимного влияния латинского «Запада» и византийского «Востока». Правда, — сам автор подчеркивает это обстоятельство — книга не претендует на всестороннее освещение: во-первых, исследователь изучает лишь одну сторону взаимоотношений Востока и Запада — византийское влияние на Западную Европу; во-вторых, он предлагает читателю не систематизированное изложение материала, но серию самостоятельных очерков, объединенных им в два раздела. Первый раздел называется «Восток и Запад в средние века»; он состоит из трех разнородных статей: первая представляет собой общий очерк ви-

¹ Одновременно эта книга появилась в удешевленном издании (N. Y., 1966) — с той же пагинацией и даже с теми же опечатками (см., напр., стр. 53, стк. 2 или стр. 82, прим. 80).

зантийского влияния на культуру «западного мира»² (стр. 11—54); вторая — несколько выпадающая из общей тематики книги — рассматривает также общий вопрос, а именно взаимоотношения государства и церкви в Византии (стр. 55—83); напротив, третья статья посвящена вполне конкретному и хронологически ограниченному вопросу — Флорентийскому собору 1438—1439 гг. и проблеме унии (стр. 84—114). Второй раздел озаглавлен «Византия и Ренессанс». Он также состоит из трех статей; все эти статьи — сравнительно частные исследования, хронологически выходящие за рамки собственно византийской истории и доведенные примерно до 1600 г.: «Греко-византийская колония в Венеции и ее значение для Ренессанса» (стр. 112—137); «Роль Крита в передаче греко-византийской культуры в Западную Европу через Венецию» (стр. 139—164), «Оставшийся незамеченным план религиозной унии с Римом, разработанный после падения Византии: критский епископ-гуманист Максим Маргуний и его латинская библиотека, завещанная Афону» (стр. 165—193).

Именно последние четыре статьи, посвященные истории XV—XVI вв., наиболее близкие специальным интересам Джеанакоплоса³ и основанные на глубоком изучении источников, в том числе множества манускриптов, представляют исследовательски самую оригинальную часть рецензируемой работы. Автор тщательно проследивает организацию греческой колонии в Венеции, ее численность и ее права (статьи сказать, весьма напоминающие права венецианцев в Константинополе в XI—XII вв.: греки имели свой причал и свою церковь), роль венецианских и критских греков в распространении греческой цивилизации на Западе [он подчеркивает, между прочим (стр. 134), что Эль Греко до 25 лет жил на Крите] и попытки гуманиста Максима Маргуния достичь религиозного соглашения с Римом на основе изучения богословской литературы как латинской, так и греческой.

Однако в этой краткой рецензии я остановлюсь не на конкретных наблюдениях Джеанакоплоса, но на первых двух его статьях, где сделана попытка осмыслить историческое развитие византийского общества.

В отличие от традиционного представления, согласно которому Византия была лишь хранительницей античного наследия и ее историческая миссия сводилась к передаче греко-римских традиций «молодым» народам Европы, автор подчеркивает, что Запад воспринял из Византии разнородные культурные элементы — как античные, так и средневековые, т. е. оригинально-византийские (стр. 54). Мне кажется только, что, сделав этот принципиально важный вывод, Джеанакоплос обедняет его, когда проследивает конкретные формы византийского влияния. Действительно, классифицируя византийские «сферы влияния», он приходит к заключению, что оригинальное воздействие империи ощущается в ряде областей изобразительного искусства и архитектуры, в ремесленной технике и судоходстве, в законодательстве и государственном управлении, в образе жизни и религиозном культе. Что касается литературы и науки, в том числе философии, то в этих областях роль Византии ограничивалась, по Джеанакоплосу, сохранением античных шедевров (стр. 53). Это кажется ему естественным, поскольку в этих областях византийцы вообще сделали немного: так, он считает византийскую литературу — за исключением гимнографии и «Дигениса Акрита» — лишенной творческого начала (стр. 27).

Думаю, что с подобной трактовкой роли византийской литературы и науки нельзя согласиться. Византийская историческая проза, агиография, эпистолярная, сатирическая литература представлены первоклассными памятниками. Если Византия «не создала своего Данте» (стр. 27), это не значит, что мемуары Пселла и памфлеты Евстафия Солунского лишены творческой оригинальности. Запад до схизмы не созрел для восприятия византийской литературы, а после схизмы тому мешали

² В понятие «западного мира» Джеанакоплос не включает ни Чехию, ни Венгрию; во всяком случае, в разделе о центрах византийского влияния на Европу (стр. 12—20) эти области не названы. Тем не менее не только Великая Моравия во второй половине IX в., но и Чехия в XI—XV вв. были теми «каналами» (я пользуюсь термином автора), через которые на Запад проникала греческая культура. Ср., напр., В. Ф. Мареш. Греческий язык в славянских культурных центрах Чехии XI века. — BS, 24, 1963; M. Paulová. Die tschechisch-byzantinischen Beziehungen unter Přemysl Otakar II. — ЗРВИ, 8/1, 1963; A. Bartoš. A Delegate of the Hussite Church to Constantinople in 1451—1452. — BS, 24—25, 1963—1964. Венгрия — с ее греческими монастырями и постоянными военно-дипломатическими связями — еще больше способствовала проникновению на Запад информации из Византии. См. Gy. Moravcsik. Die byzantinische Kultur und das mittelalterliche Ungarn. Berlin, 1956; A. Szentirmai. Der Einfluss des byzantinischen Kirchenrechts auf die Gesetzgebung Ungarns im XI/XII Jh. — JOBG, 10, 1961; Gy. Moravcsik. Σημειώσεις εἰς τὰ καλλιτεχνικὰ μνημεῖα τῶν οὐγγρο-βουλγαρικῶν σχέσεων. — «Χαρττῆριον εἰς Ἁ.Κ. Ὀρλίνδον», т. 1. Athenai, 1964. То же надо сказать о Дубровнике и о других славянских центрах на Адриатике.

³ См. D. J. Geanakoplos. Greek Scholars in Venice. Camb. Mass., 1962 (вышла также по гречески: Ἑλληνας λόγιος εἰς τὴν Βενετίαν. Athenai, 1965). Материалы этой книги частично использованы в четвертой статье рецензируемого исследования.

многочисленные предубеждения⁴. Но все же византийское литературное влияние проникало на Запад — и того же «Диганиса Акрита», к примеру, знали во Фландрии⁵.

Византийская филология, начиная с Фотия и Евстафия, — прямо или опосредствованно — подготовила филологию эпохи Возрождения. Византийское богословие (а в средние века именно богословие было наукой наук) было тесно связано с западной схоластикой: их взаимовлияние в XII в. прекрасно проследил П. Классен⁶. А если мы учтем, что рационализм проникает в византийское богословие в XI в. (я имею в виду Пселла, Итала и Евстратия Никейского), традиционный тезис об абсолютной самостоятельности западной схоластики (стр. 51) окажется, во всяком случае, поставленным под сомнение.

Во второй статье Джеанакопλος выступает против традиционных представлений о всемогуществе василевса в религиозной сфере. Он расчленяет отдельные стороны взаимоотношений церкви и государства: в церковной администрации, полагает он (стр. 65 и сл.), императору принадлежали большие права (поставлять патриарха, перекраивать диоцезы, созывать вселенские соборы), — впрочем я хотел бы обратить внимание, что на практике и административные права государя (например, право раздачи монастырей в харистикий) неоднократно ставились под сомнение. «Литургические» привилегии императора, показывает Джеанакопλος (стр. 69 и сл.), были относительно невелики, а в «эсотерической» области церковной жизни, т. е. в области догматики, императорский абсолютизм оставался бессильным: проведенные императором догматические преобразования всякий раз оказывались временными (стр. 73 и сл.). Джеанакопλος приводит ряд примеров безуспешных попыток подобного рода (сюда можно прибавить еще попытку Мануила I отказаться от «анафемы богу Мухаммеда») — бесплодная борьба Михаила VIII и Иоанна VIII за унию принадлежит к их числу (стр. 79).

Поставленная Джеанакопლოსам проблема, по сути дела, шире заголовка — речь идет не об отношении императора и церкви, а о соотношении византийского самодержавия и византийского традиционализма, одним (но не единственным!) хранителем которого была православная церковь. Византийское самодержавие кажется на поверхностный взгляд более самовластным, чем оно было на самом деле⁷. Выяснить ограниченность его — одна из важнейших задач, стоящих перед византиноведением.

А. К.

R. JENKINS. BYZANTIUM: THE IMPERIAL CENTURIES. AD. 610—1071.

London, 1966, 400 p.

Расчитанная на широкого читателя, почти совсем освобожденная от аппарата и от аргументации, книга Р. Дженкинза оставляет прежде всего впечатление — если об этом позволено судить человеку, для которого английский отнюдь не является родным языком, — хорошей прозы. Неожиданные и острые формулировки, публицистичность (временами, впрочем, доходящая до предвзятости), образное видение героев повествования, главным образом, византийских василевсов, — все это заставляет вспомнить об эссеистических традициях англо-саксонской византистики, восходящих еще к Гиббону.

Это художественное отношение к прошлому незаметно приводит Дженкинза к тому, что интуиция (или то, что он принимает за интуицию) заменяет в его изложении исторический факт или логическое обоснование. Блестяще обрисован Дженкинзом образ Василия II — так не похожего на его царственных предков и внешностью, и всем своим поведением (стр. 301 и сл.). И можно было бы даже смириться с тем, что он напоминает норманского правителя, допустим Вильгельма Завоевателя. Но когда из этого — чисто интуитивного — сходства (в чем оно состоит конкретно, Дженкинз не говорит) делается вывод, что мать Василия, Феофано, прижила ребенка от какого-нибудь варяжского воина или что в нем проявили себя гены его пра-

⁴ Трактовка схизмы — одно из интереснейших мест книги: я имею в виду и определенное схизмы не как однократного акта 1054 г., а как долгого процесса, завершающегося в 1204 г. (стр. 1), и подчеркивание социально-психологического аспекта раскола, определившегося — вопреки политическим потребностям — устоявшимся психическим состоянием взаимной враждебности (стр. 109 и др.). Социально-психологические причины исторических явлений следует учитывать вслед за экономическими и политическими.

⁵ См. D. C. Hesseling. Eine Digenisübersetzung aus dem 13. Jh.? — BZ, 22, 1913.

⁶ P. Classen. Das Konzil von Konstantinopel 1166 und die Lateiner. — BZ, 48, 1955.

⁷ См. об этом также: H. G. Beck. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966.